

Коноплёв Н.

Преподобный Корнилий
Комельский

ПРЕПОДОБНЫЙ КОРНИЛІЙ КОМЕЛЬСКИЙ.

Въ пяти верстахъ отъ уѣзданого города Грязовца, Вологодской губерніи, возлѣ линіи Ярославско-Вологодской желѣзной дороги, есть святая обитель преподобного Корнилия Комельского. Обитель эта, вмѣстѣ съ другими родными святынями, издавна посѣщается множествомъ русскихъ людей, находящихъ въ ней радушный пріютъ и духовное утѣшеніе. Привлекаетъ сюда благочестіе христіанское святость угодника Божія, желаніе поклониться его нетленнымъ мощамъ, испросить себѣ его небесной помощи и заступленій; привлекаетъ сюда и сосѣдство минерального источника, чуделные силы которого засвидѣтельствованы авторитетными отзывами людей науки и многочисленными опытами. Вслѣдствіе этого обитель Комельская каждую благодатную весну служитъ мѣстомъ посѣщенія многихъ больныхъ, пріѣзжающихъ сюда даже изъ отдаленныхъ окраинъ земли Русской; извѣстна она многимъ гражданамъ С.-Петербурга и Москвы. Здѣсь надежда на излѣченіе недужныхъ, чающихъ движенія воды, питается глубокою вѣрою въ Угодника Божія и его благодатную помощь. Положеніе обители въ одномъ изъ прекрасныхъ уголковъ, какіе только можно встрѣтить въ нашемъ православномъ отечествѣ, также немало привлекаетъ къ себѣ вниманіе паломниковъ. Окрестности монастыря представляютъ собою живописную равнину, волнующуюся легкими возвышенностями. Самая обитель расположена на покатости, склоняющейся къ рѣчкѣ Нурмѣ. Къ сѣверу отъ монастыря располагается прекрасный монастырскій лугъ, усыпанный весною множествомъ благоухающихъ цветовъ. Къ лугу примыкаетъ валъ, съ аллеюю высо-

блѣ деревьевъ, составляющій пріятную перспективу, далеко простирающуюся на сѣверъ. Другія возвышенія окрестности усыпаны селеніями, окруженными мелкимъ лѣсомъ; между ними видѣнъ небольшой городокъ Грязовецъ; вдали къ востоку и западу синѣютъ дремучіе лѣса. Отрадно для благочестиваго христіанскаго чувства пребываніе въ святой обители, которая служила нѣкогда мѣстомъ подвиговъ Угодника Божія, превратившихъ лѣсную пустыню „въ градъ обительный.“ Здѣсь подвижникъ спокойно созерцалъ Бога, бесѣдоваль съ Нимъ своимъ умомъ и сердцемъ. Первобытная дѣственная природа привлекала къ себѣ взоръ его и возбуждала къ славословію Творца вмѣстѣ съ многочисленнымъ сопромъ пернатыхъ своихъ насельниковъ.

Древность сохранила намъ много свѣдѣній о преподобномъ, заключающихся въ житіи его, прекрасно составленномъ икономъ Корнилевской обители Наеванайломъ. Въ предисловіи къ своему труду иконокъ Наеванайль называетъ себя ученикомъ преподобного, очевидцемъ его жизни, свидѣтелемъ его подвиговъ. О происхожденіи своего труда онъ замѣчаетъ слѣдующее: „Мы, пребывающіе въ сей святой обители, слышимъ частуюпросьбу отъ многихъ, посѣщающихъ ее: дадите намъ житіе святаго старца вашего, господина нашего Корнилия.“—„Мы же, зная нравъ старца своего, желаемъ писанію предать, что видѣли и слышали изъ устъ святаго.“—Жизнь преподобного Корнилия является въ высшей степени поучительно.

Родиной преподобного былъ славный своимъ прошлымъ Великий Ростовъ, дѣдъ

K. III 1270011

земли Залѣсской. Родители его были люди благочестивые—Феодоръ и Варвара, про-исходившие изъ весьма знатнаго рода бояръ Крюковыхъ. Домъ ихъ процвѣталь богатствомъ и славою „паче всѣхъ во градѣ Ростовѣ.“ Отецъ преподобнаго извѣстенъ былъ и самому „Державному вселу Россіи,“ именемъ котораго ему и повелѣно было переселиться въ „пар-ствующій градъ Москву,“ гдѣ онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Лукіаномъ, служилъ при дворѣ великой княгини Маріи Ioанновны, супруги Василія Васильевича Тем-наго. Вмѣстѣ съ родителями переселился въ Москву и отрокъ Корнилій. Но не къ славѣ и почестямъ направлены были всѣ помыслы и стремленія юнаго Корнилія, а къ иночеству и жизни подвижнической. Когда дядя его Лукіанъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, въ монастырѣ преподобнаго Кирилла Бѣлоезерскаго принялъ иноческое постриженіе, его примѣру послѣдовалъ и Корнилій. Двѣнадцати лѣтъ отъ рода онъ уже „презрѣлъ красная міра сего“ и, принявъ ангельскій образъ въ Бѣлоезерской обители, началъ свои иноческіе подвиги подъ руководствомъ опыта го въ духовной жизни старца Ген-надія. Спустя семь лѣтъ, подвижникъ воротился не надолго на родину, съ тою цѣлью, чтобы прислечь за собою и брата своего Іакинеа. Возвратившись вмѣстѣ съ нимъ, Корнилій продолжалъ свое иноческое послушаніе и подвиги въ обители преподобнаго Кирилла. „Тяжкими работами онъ удручалъ свое тѣло. Кто-бо не знаетъ Кирилловскія хлѣбни? и возложилъ на себя вериги желѣзныя.“ Въ свободное время подвижникъ во множествѣ перепи-сыпалъ священные книги, остававшіяся на долгое время въ монастырскихъ храмахъ свидѣтелями его подвижничества.

Недолго, однако, оставался Корнилій въ обители своего постриженія. Оставилъ ее, подвижникъ „по лѣстничному“ послѣдова-нію в达尔ъ себя странничеству“ и пред-принялъ путешествіе по многимъ другимъ

монастырямъ и пустынамъ, чтобы восполь-зоватьсь наставлѣніями мужей опытныхъ въ духовной жизни. Посѣтивъ много оби-телей, преподобный прибылъ въ Великій Новгородъ и немалое время провелъ тамъ у мудраго и учительнаго архиепископа Геннадія, извѣстнаго борца за православіе и обличителя ереси жиціиствующихъ. Святитель, видя благочестіе подвижника, полюбилъ его, хотѣлъ удержать при себѣ и рукоположить въ санъ пресвитера, но Корнилій по смиренію своему уклонился отъ такой великой чести и, испросивъ благословеніе архиепископа, удалился въ пустынью близъ Новгорода. Сюда святитель посыпалъ ему все потребное для жизни, часто призывалъ его къ себѣ „бесѣды ради духовныхъ“ и однажды самъ по-сѣтилъ его. Стоустая молва стала раз-глашать о подвигахъ преподобнаго и къ нему стало стекаться много народа, „пре-сѣкалъ его безмолвіе.“ Это тяжко показалось любителю безмолвія, и онъ удалился изъ Новгородскихъ предѣловъ въ Твер-скіе, ища для себя новаго уединенія. Тамъ онъ поселился въ дремучихъ лѣсахъ Савватіевой пустыни. Но и здѣсь убѣ-жинце его было скоро открыто. Такъ онъ странствовалъ и еще по многимъ пусты-намъ, пытаясь найти себѣ уединеніе, но каждое мѣсто его поселенія не укрывалось отъ людскаго взора. На-конецъ, въ 1497 году, въ княженіе Ioанна III, онъ пришелъ въ Комельскій лѣсъ, который тогда былъ непроходимъ, тамъ нашелъ хижину принадлежавшую когда то—разбойникамъ и поселился въ ней. Вотъ чѣмъ было тогда мѣсто цвѣтущей теперь обители! Разбойни-ки вступили за свое жилище и не- сколько разъ пытались нападать на по-движеніка. Однажды они ограбили его келлію, не найдя, впрочемъ, въ ней ни-чего, кроме книгъ, которые и взяли съ собою. Но, проблуждавъ всю ночь, они на утро снова очутились близъ келліи святого, пришли къ нему и, возвративъ

похищенное, удалились, оставивъ святому и свое обиталище.

Овладѣвъ мѣстомъ своего поселенія, святый начальъ „труждатися велими на мѣстѣ томъ, помышляше трудами себе питати: лѣсъ сѣкій и нивы наспѣвалъ.“ Описывая труды подвижника, подъятымъ имъ на дѣло колонизаціи лѣсной пустыни, жизнеописатель его невольно восклицаетъ: „кто доволенъ словесы обличити и сказать ми повѣсть, лже сотвори труды и подвиги на мѣстѣ томъ? Такъ много трудовъ и опасностей пришлось испытать святому въ устройствѣ своего новаго жилища. Одинъ разъ онъ пришелъ въ свою келлію, едва дыша, избитый разбойниками; въ другой разъ обрушилось на него дерево, отъ удара которого онъ страдалъ цѣлые три мѣсяца. Оправившись отъ болѣзни, онъ однажды упалъ съ крутизны и разбился болѣе прежняго, едва избѣжавъ смерти. Потомъ, еще разъ привели его еле живаго, съ большою язвою на головѣ отъ дерева, упавшаго на него. Кроме этого, много приходилось ему терпѣть отъ людской клеветы и злословія, которыхъ доходили до самого великаго князя. Всѣмъ напастямъ святый противополагалъ одно оружіе—терпѣніе. Впрочемъ, не одни навѣты, но и добрая слава о подвигахъ святаго доходила до великаго князя, и онъ почиталъ его какъ угодника Божія.

Святый полюбилъ избранное имъ мѣсто и вознамѣрился создать здѣсь святую обитель. Теперь онъ уже не отказывалъ въ приемѣ тѣмъ, которые хотѣли подвизаться вмѣстѣ съ нимъ, и пустыня его скоро наполнилась иноками и сдѣлалась „градомъ обительнымъ“. Святый создалъ небольшую деревянную церковь, которая по благословенію митрополита Симона освящена была въ 1501 году, въ честь Введенія Пресвятой Богородицы, а самъ онъ 1 февраля того же года рукоположенъ былъ въ санъ пресвитера и сдѣ-

лся игуменомъ основателемъ имъ обители.

Съ течениемъ времени вокругъ преподобнаго собралось „множество“ братіи, такъ что первоначально устроенная церковь оказалась уже тѣсною. Это побудило преподобнаго озаботиться устройствомъ большаго храма. Подъ руководствомъ святаго опять закипѣла работа, въ которой принималъ участіе каждый изъ братіи, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей: „овому художеству къ возгражденію стѣнь церковныхъ, другимъ же мудрость писати образа святыхъ иконъ, иными же рѣзати честные кресты, другимъ же писати книги“. Такимъ образомъ, „труды блаженныхъ ученикъ святаго, паче же постомъ и слезами создана бысть церковь превелика; украсиша ю благодѣніемъ, яко невѣсту предобру образы святыхъ иконъ и книгами“. Новосозданная церковь освящена была въ 1515 году, по благословенію митрополита Варлаама.

По освященіи церкви, преподобный назначилъ чреды священнослуженія братіи, назначилъ экклесіарха и ввелъ порядокъ и чинъ богослуженія, какой содержится въ большихъ лаврахъ. При братской трапезѣ онъ создалъ еще церковь въ честь святаго Антонія Великаго, первоначальника жизни отшельнической. Потомъ создалъ келліи для братіи, окруживъ ими обитель, на подобіе четырехъ-угольника, посреди которого стояли церкви, „яко нѣкія очи зряще всюду“. Создалъ, заѣмъ, внутри монастыря больницу и поварню, въ обители—богадѣльню „страннымъ и нищимъ на покой“. Веденіе монастырскаго хозяйства святый вручилъ келарю; уставилъ и другихъ служебниковъ, хлѣбопекарей, нарядчиковъ рабочимъ.

Такъ устроена была одна изъ замѣчательныхъ сѣверныхъ обителей, превратившаяся еще при жизни самого основателя въ „большую лавру“, въ которой подвизалось тогда уже болѣе деяноста иноковъ. Народная любовь къ подвиж-

нику росла съ каждымъ днемъ. Множество людей приходило къ нему, желая помолиться въ его обители, принять благословеніе, получить духовное наставление и утѣшеніе святаго старца. Онъ никому не отказывалъ, всѣхъ принималъ съ любовью. Предметомъ особенныхъ попечений святаго были люди бѣдные, несчастные и обездоленные. Для нищихъ всегда открыты были монастырскія сокровищницы. Однажды, въ храмовой праздникъ, роздана была вся монастырская казна, такъ что болѣе подавать было уже нечего. Въ это время получена была въ монастырѣ милостыня отъ великаго князя Василия Ioannovicha—двадцать одинъ рубль, и тѣ немедленно были розданы. Въ другой разъ великий голодъ свирѣпствовалъ въ Вологодской странѣ; четверть ржи продавалась по рублю и болѣе. Монастырь постоянно наполнялся массами голодныхъ. Дѣло дошло даже до того, что матери повергали предъ вратами монастырскими своихъ дѣтей. Святой благотворилъ всѣмъ несчастнымъ, питая всѣхъ голодныхъ.

Устроивъ порядокъ своей обители, святой бдительно слѣдилъ за ея жизнью: самъ обходилъ всѣхъ тружающихся на полѣ и на нивахъ. Обычай ииѣль святый старецъ обходить глубокимъ вечеромъ братскія келлія. Если онъ слышалъ здѣсь тихую молитву или псаломнѣніе, незамѣченный уходилъ дальше. Если-же слышалъ празднословіе и занятія не на пользу души, даваль знать о своемъ присутствіи легкимъ ударомъ въ келейное оконце. Послѣ, на общихъ собраніяхъ дѣлая поученіе братію, онъ изобличалъ беспорядки иноческой жизни, не называя по имени ихъ допустившихъ.

Съ теченіемъ времени, устрояя внутреннюю жизнь обители, преподобный написалъ для братіи „уставъ иноческаго житія“, явившійся результатомъ опыта его духовной жизни. Чтобы внушить уваженіе братію къ этому уставу, главное

правило котораго состояло въ неуклонномъ исполненіи важнѣйшаго изъ иноческихъ обѣтовъ—обѣта послушанія, онъ далъ братіи разительный урокъ въ съдующемъ обстоятельствѣ. Одинъ братъ—старший надъ пекарями испекъ много хлѣбовъ, не испросивъ позволенія настоятеля, какъ этого требовалъ монастырскій уставъ. Узнавъ объ этомъ, святой старецъ велѣлъ всѣ испеченные хлѣбы бросить на большой дорогѣ, а хлѣбовъ было два воза.

Не смотря на всѣ заботы святаго о благоустройствѣ иноческой жизни, среди братіи наблюдались тяжкіе пороки. Одинъ братъ по имени Ананій, сидѣвшій въ часовнѣ съ блюдомъ для принятія приношеній въ пользу обители, сталъ утаивать деньги и употреблять въ свою пользу. Онъ также изобличенъ былъ бдительнымъ старцемъ и долженъ быть исповѣдать предъ всѣми свой грѣхъ

Строгость преподобнаго въ исполненіи требованій иноческаго устава создала много недовольныхъ имъ среди братіи и слугъ монастырскихъ. Нашлись злые люди, которые рѣшились даже покуситься на жизнь святаго старца. Это были два брата—нарядчики рабочихъ. Несколько разъ они скрывались подъ мостомъ чрезъ реку Нуруму, подстерегая святаго, чтобы исполнить свой злой умыселъ; но каждый разъ у нихъ не хватало рѣшимости исполнить свое злое дѣло, такъ что, наконецъ, мучимые совѣстю, они рѣшились исповѣдать предъ игуменомъ грѣхъ свой. Незлобивый старецъ простилъ имъ.

Подобнаго рода нестроенія иноческой жизни были причиной новаго удаленія святаго въ вожделѣнное ему безмолвіе. Напрасно братія умоляла его остаться въ обители; онъ былъ непреклоненъ. Въ утѣшеніе братіи сказалъ онъ, что хотя и разстается съ ними тѣлесно, душою всегда съ ними будетъ. Онъ созвалъ къ себѣ братію, избралъ для управленія обителю

дѣвнадцать учениковъ своихъ и просилъ отищенія. Взявъ съ собою „мало отъ братій“, преподобный удалился съ ними верстъ за семьдесятъ отъ своей обители и поселился въ Костромскихъ предѣлахъ, въ глухой пустынѣ на берегу Сурскаго озера. Оставленная имъ братія въ обители, чувствуя для себя всю тяжесть своей разлуки съ нимъ, на общемъ совѣтѣ рѣшила просить старца о возвращеніи: „послаша нѣкоихъ отъ братіи ко отцу своему, моли его, дабы не оставилъ чадъ своихъ сирыхъ... Святый же отречеся имъ“.

Той зимой (1529 года) великий князь Василий Ioанновичъ съ княгинею предприняли путешествіе въ обитель Кирилла Бѣлозерскаго „молити Господа Бога, во еже дароватися имъ чадородію въ наслѣдіе роду самодержавства ихъ“. Проѣздомъ великий князь заѣжалъ и въ Корниліевъ монастырь и служилъ здѣсь молебень. Узнавъ объ удаленіи старца, онъ спросилъ братію: „кое ради вины Корнилій отиде въ пустынѣ?—„Любве ради Христовы“—отвѣчала братія и просила Государя „понудить“ отца своего возвратиться къ нимъ. Исполнивъ эту просьбу, князь послалъ своихъ слугъ къ старцу Корнилю, повелѣвъ ему явиться въ свою обитель и здѣсь ждать своего возвращенія. Самъ же далъ „братія милостию довольну и учредивъ брашны“, продолжалъ путь свой.

На возвратномъ пути въ Вологду великий князь встрѣченъ былъ старцемъ Корнилемъ и „радовашеся вельми о пріештвіи старца, почте его, бесѣдова съ нимъ, и моли его о семъ, да молитъ Господа Бога во еже дароватися ему чадородію въ наслѣдіе роду и отпусти его въ монастырь“. Возвращаясь въ Москву, въ Корниліевъ монастырь князь снова встрѣтился со старцемъ и велѣлъ ему „пребывать въ монастыри“. Но онъ, „предлагая старость и немощь, глаголя и молише великаго князя, да отпуститъ его въ пустыню плакатися грѣховъ своихъ“. Князь „вѣдый добродѣтельное и трудолюбивое житіе его, положи на воли его“.

Корнилій удалился въ пустынью. Но и на этотъ разъ онъ не нашелъ здѣсь желанаго безмолвія; къ нему опять стала стекаться братія. Преподобный устроилъ келліи и вознамѣрился создать церковь. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Москву, чтобы испросить у Государя и митрополита разрѣшенія на устройство новаго храма. Около этого времени Богъ даровалъ великому князю сына, нареченаго Ioанномъ. Исполненный великой радости, Государь прибылъ въ Сергіеву обитель воздать благодареніе Богу. Здѣсь онъ встрѣтилъ старца Корнилія, шедшаго въ Москву. „Князь великий радостенъ бысть о пріишествіи старца и почте его вельми, и пріимъ благословеніе его, и посылаше его прежде себе въ царствующій градъ Москву, да шедъ благословить великую княгиню и Богомъ дарованаго има сына.“ По возвращеніи князь, осипавъ блаженаго своими щедротами, часто призывалъ его къ себѣ и въ домъ потребное посыпалъ ему. На просьбу же старца—основать въ пустыни церковь, князь отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ: „помяну моленіе и слезы братікъ, еже моляху его въ монастыре—понудить отца ихъ Корниля пребывать съ ними и сего ради не повелѣ ему въ пустыни церкви созидати, но понуждаше и съ прилежаніемъ, дабы быть въ прежнихъ своихъ трудѣхъ въ своемъ монастыри со ученики своими.“ Приказаніе князя и отказъ его въ просьбѣ показались тяжкими святому старцу; онъ скрылся въ неизвѣстности и пребывалъ въ домѣ одного христолюбца. Князь, не видя у себя старца, послалъ искать его по всему городу. Узнавъ объ этомъ, Корнилій тайно оставилъ Москву и удалился въ Сергіевъ монастырь, послѣ чего князь велѣлъ прекратить свои поиски. Между тѣмъ насталъ праздникъ Богоявленія и самъ великий князь прибылъ на богомолье въ Сергіеву обитель. Встрѣтивъ здѣсь Корниля, князь опять понуждалъ святаго „и съ великихъ прилежаніемъ иди въ свой монастырь“. Старецъ не смѣлъ болѣе противиться волѣ Государя, „положи на волю Божію и повинулся ему.“ Обрадованный этимъ,

Государь послал своего слугу въ Корниліевъ монастырь, „повелѣ монахомъ быти, да молять старца Корнилія, еже не оставити ихъ.“ Монахи скоро пришли и своими слезными мольбами тронули старца; вмѣстѣ съ ними онъ пошелъ къ Государю, прося отпущенія въ монастырь свой. „Много обрадовашеся благочестивый великий князь о семъ и глагола святыму: отче, яко отнелиже сотворивъ монастырь, не имѣши сель и деревень, но ихъ-же требуещи, проси и дамъ ти.“ Старецъ не восхотѣлъ благъ міра сего, отъ которыхъ давно уже добровольно отрекся, но только просилъ князя дать монастырю «земли мало съ лѣсомъ, да отъ поту лица своего ямы, глаголю, хлѣбъ свой.» Князь охотно исполнилъ просьбу старца и, принявъ благословеніе, съ міромъ отпустилъ подвижника, прося его: „моли, отче, Бога о нашемъ здравії“.

Велика была радость Комельской обители при встречѣ ея основателя. Братія встрѣтила его, какъ ангела Божія, съ крестами и иконами: «ови отъ нихъ руцѣ его лобзаху, ови ногамъ касахуся, ини ризамъ». Игуменъ Кассіанъ, избранный изъ его отсутствія, сложилъ свою власть, оставаясь въ послушаніи у своего учителя.—Въ своемъ монастырѣ преподобный снова принялъ за обычные труды, «льсь сѣкій и нивы насѣвалъ.» Но здѣсь онъ встрѣтился опять и съ обычными невзгодами. Разъ, зажигая хворостъ, онъ едва не сдѣлалъ жертвою пламени, объявшаго его со всѣхъ сторонъ, и только благода-ря внезапно поднявшемуся вѣтру, могъ выйти изъ него невредимымъ. Святый встрѣтился снова, и съ недовольствомъ братіи. Одинъ братъ, по имени Закхей, жаловался на скучность своей одежды и просилъ новой. Старецъ отдалъ ему свою одежду, а самъ долго ходилъ въ вязаной лыкомъ одеждѣ Закхея. Все это болѣе и болѣе удручало святаго старца и заставляло его сильноѣ чувствовать давно уже наступившую старость. Видя приближеніе конца земного поприща и ослабленіе своихъ силъ, святой рѣшилъ провести остатокъ дней своихъ въ затворѣ. Сдѣлавъ прощальное поученіе братіи, онъ удалился

въ обитель своего постриженія и затворился въ келлія, «да скончаетъ теченіе духовнаго подвига.» Но оставленная имъ братія не могла жить безъ своего учителя. Опять прибыли къ преподобному посланные изъ среды ея пять старцевъ съ просьбою, чтобы онъ не оставилъ ихъ сирми, но возвратился безмолвствовать въ свою обитель. Старецъ сначала не уступалъ ипросѣбѣ. Когда же къ Комельскимъ старцамъ присоединились игуменъ и братія Кирилловскіе, въ свою очередь проси-
его убѣшить братію, «да не како стуживъ си разыдутся», блаженный склонился на общее моленіе и рѣшилъ снова возвратиться въ свою обитель, только предварительно велѣлъ тамъ избрать другого игумена. Его спросили, кого онъ хочетъ видѣть своимъ преемникомъ? Онъ назвалъ Лаврентія. Лаврентій былъ поставленъ игуменомъ, а возвратившійся старецъ «крайнее безмолвіе любомудрствовати начать, затворися въ келліи.»

Но и еще разъ старцу суждено было покинуть предѣлы своей обители. Подъ конецъ его жизни, въ 1536 г., казанскіе татары, производя опустошеніе русскихъ городовъ и селеній, достигли вологодскихъ предѣловъ. Жители въ страхѣ разбежались; опустѣли и обители, которыхъ также не щадила рука невѣрныхъ. Когда слухъ объ этомъ несчастіи дошелъ до старца Корнилія, онъ сказалъ: «сотовримъ человѣческое, бѣжимъ и мы, чтобы не явилась гордость или тщеславіе. Не добро самимъ вдаваться въ бѣду. Всемогущій Христосъ Самъ бѣжалъ въ Египетъ отъ Ирода, да научатся и другіе не вдаваться въ напасти». Подвижникъ вмѣстѣ съ братіею удалился въ Бѣлоозерскіе предѣлы на Ухтому. Но рука вражія не коснулась обители. Вскорѣ послѣ возвращенія преподобный почувствовалъ совершенное изнеможеніе своихъ силъ и блізость кончины. На четвертой недѣлѣ послѣ Пасхи больной велѣлъ вести себя въ церковь къ божественной литургіи, чтобы въ послѣдній разъ причаститься Святыхъ Таинъ. На другой день святой старецъ, простишись съ братіею, велѣлъ читать акаѳистъ Спасителю и Божіемъ

Матери и тихо предалъ свой духъ Богу, 1537 г. 19 мая, 84-хъ лѣтъ отъ рода, послѣ 41 года своей подвижнической жизни въ Комельской пустыни.

Великій подвижникъ примѣромъ своей жизни и духовнымъ руководствомъ воспиталъ много мужей высокой духовной жизни, изъ которыхъ многие сами сдѣлялись впослѣдствіи основателями монастырей и прославились святостю жизни. Таковы блаженные: Кириллъ Новозерскій, Геннадій Любимскій, Иродіонъ Плодезерскій, Адріанъ Пощеконскій, Филиппъ Ирабскій, Давідъ Шушгорскій. Всѣ были его учениками и постриженниками его обители.

Въ руководство братіи преподобный Корнелій далъ уставъ иноческой жизни, состоящий изъ предисловія и XV главъ, который является замѣчательнымъ произведеніемъ древне-русской аскетической литературы. Послѣ уставовъ преподобныхъ Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго это третій иноческий уставъ нашего русского происхожденія; до этого русское иночество руководилось уставами восточныхъ обителей, главнымъ образомъ, аѳонскимъ и студійскимъ. Въ предисловіи своего устава преподобный Корнелій излагаетъ общій взглядъ на иноха, какъ человѣка не отъ мира сего; изображаетъ и иноческія добродѣтели: взаимное согласіе и послушаніе, другъ ко другу любовь, стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію, скорбь о безплодномъ мимошедшемъ лѣтѣ, стремленіе къ отечеству небесному, память смертного часа и вѣчныхъ мукъ. Въ I главѣ говорить о церковномъ благочинії. Здѣсь убѣждается иночъ совершать богослуженіе со всяkimъ тщаніемъ, точно исполнять уставъ церковный, не лѣнственно посѣщать храмъ Божій. Во II главѣ говорить о благочиніи трапезы. На трапезѣ должно быть соблюдано строгое безмолвіе, такъ чтобы никого не было слышно, кроме читающаго прологъ, по принятому обычаю. Каждый долженъ занимать свое мѣсто. Пища всѣмъ должна быть одинакова. Въ III главѣ говорится о пищѣ и питіи. Пища должна быть проста, смиренна, удобопрі-

обрѣтаема и малою цѣною. Въ великий постъ, кроме среды и пятка, должно быть одно вареніе, а въ среду и пятокъ пища всѣмъ—вода и хлѣбъ; квасъ давать въ эти дни только больнымъ. IV глава заповѣдуетъ инокамъ вкушать пищу только на трапезѣ и никогда болѣе. Въ V главѣ говорится объ одѣждѣ и обуви. Та и другая должна быть проста, худѣйшая и должна пріобрѣтаться малою цѣною. Каждый братъ пусть имѣть двѣ одѣжды: одну ветхую—съ заплатами, другую—крупную. Прочее—дѣло тщеславія и созлазна. VI глава заповѣдуетъ иноку довольствоваться монастырской одѣждой и не просить ничего у постороннихъ. VII глава запрещаетъ братіи имѣть свою собственность, ибо „потому и называется (обитель) общежитіемъ, чтобы имѣть все общее и тѣмъ довольствоваться“. Желающій сподобиться небеснаго блаженства, долженъ строго соблюдать обѣтъ иноческой нищеты и нестяжательности, подобно убожеству Христову. VIII глава запрещаетъ иноку братъ что нибудь принадлежащее обители безъ разрѣшенія игумена. IX глава говорить о томъ, что не должно ходить на трапезу безвременно. X глава заповѣдуетъ инокамъ на общей работѣ быть съ молчаніемъ и молитвою. Особенное благоговѣніе нужно соблюдать инокамъ, находящимся на работѣ вѣнѣ обители, когда ихъ разговоры могутъ слышать міряне, да не похулено будетъ чернеческое житіе и не соблазнится мірская чада. XI глава запрещаетъ инокамъ безъ нужды выходить изъ монастыря. XII глава запрещаетъ братіи принимать милостию по рукамъ на раззореніе общаго чина. XIII глава строго запрещаетъ инокамъ употребленіе піянственного питья.—Въ первоначальной редакціи уставъ преподобнаго Корнелія и оканчивался этой главою, на что указываетъ ея заключеніе: „все, что здѣсь написалъ я недостойный и грѣшный инохъ Корнелій, рукою мою предаю братіи моей, дабы п по смерти моей это преданіе соблюдалось свято. Молю васъ, братіе, поживите въ братолюбіи, имѣйте взаимную любовь и миръ и Богъ мирадабудетьъ вами. Аминъ“.

Но послѣдующій опытъ указалъ старцу предметъ еще для двухъ главъ его завѣщанія. XIV глава о приходящихъ братіяхъ, имѣющихъ стяженія особная. Повелѣвая принимать такихъ, преподобный заповѣдуетъ относительно ихъ стяженія объявить игумену: что есть и где находится и если что съ ними будетъ, поставить въ монастырской казнѣ за своею печатию. Если по прошествіи годичнаго монашескаго искуса Господь укрѣпить ихъ и они пожелаютъ принять постриженіе, то должны раздать свое стяженіе, куда захотятъ на пользу души, а если же неѣтъ, то пусть братія отпустятъ ихъ съ миромъ со всѣмъ ихъ стяженіемъ. XV глава—о выходящихъ изъ монастыря и опять возвращающихся въ него братіяхъ. „Слышаъ я, пишеть здѣсь преподобный, отъ многихъ, пострѣгшихся у меня: нынѣ намъ не даетъ Корнилій пожить по волѣ нашей, а когда онъ умретъ, мы опять возвратимся въ нашъ монастырь и поживемъ, какъ захочемъ“. Такихъ онъ запрещаетъ принимать въ монастырь и велитъ осторегаться ихъ, да не разрушать общаго чина.

Въ нынѣшнемъ—своемъ состояніи обитель преподобнаго Корнилія одна изъ цвѣтушихъ. Въ ней находится пять благолѣпійныхъ храмовъ:

1) Соборный храмъ въ честь Введенія Пресвятой Богородицы, построенный во второй половинѣ XVI столѣтія.

2) Храмъ въ честь преподобнаго Корнилія, Комельского чудотворца, основателя обители. Въ этомъ храмѣ почиваютъ мощи подвижника; надъ ними устроена рака. Въ этомъ же храмѣ находится икона преподобнаго, древнаго письма.

3) Воскресенская церковь, построенная въ началѣ XVII столѣтія. Здѣсь находится особенно чтимый мѣстными жителями образъ Владимицкой Богоматери, точный снимокъ съ подлинной чудотворной иконы. Въ этомъ же храмѣ хранится часть власианцы преподобнаго Корнилія и его фелонь, сшитая изъ шелковой матеріи съ камчатнымъ краснымъ оплечьемъ; она ветха и покрыта заплатами. Форма ея отличается отъ современой тѣмъ, что

передъ ея гораздо длиннѣе напер и развѣ на одинъ вершокъ короче задней стороны. Здѣсь находится еще двѣ иконы древнаго письма: преподобнаго Антонія Великаго и Корнилія Комельского.

4) Храмъ въ честь святителя Николая, Мурлицкаго чудотворца и

5) Храмъ во имя Божіей Матери—«Всѣхъ скорбящихъ Радости».

Въ числѣ другихъ достопримѣчательностей обители въ ней находятся два колокола иностранного литья. Одинъ вѣсомъ въ 103 пуд., имѣть надпись: «Kos-tev me fecit. Amstelodami». Другой въ 20 пуд., съ надписью «Durch Feuwr floss ich Wolfgang Neidhardt in Fvan... mich 1640».

Въ ризницахъ монастырской, среди другихъ древнихъ вещей, хранятся напрестольные кресты съ частицами святыхъ мощей. Въ библіотекѣ монастыря есть рукописное житіе преподобнаго со службою древнаго полууставнаго письма и древній рукописный синодикъ обители.

Въ числѣ зданій обители, кромѣ братскихъ келлій, есть въ монастырѣ гостинный корпусъ съ номерами для богомольцевъ и для прѣбывающихъ лѣчиться минеральными водами. Число посѣтителей минерального источника съ каждымъ годомъ возрастаетъ.

Н. Коноплевъ.